

Рагила КУЛИЕВА

Доктор филологических наук, профессор
Бакинского славянского университета

XX век - граница человеческой истории и преддверие. Нужна особая социальная чувствительность, чтобы осмыслить пространство и время, в котором мы живем. В этом контексте творчества Кямала Абдуллы - непрерывное размышление о прошлом и настоящем, о судьбах мира и человека; он обладает даром слышать эпоху. Художественное пространство писателя необычно богато и оригинально и в тематическом плане, и в жанровом многообразии. Новаторским является не только осмысление им традиций, но и проблемы, которые он ставит в своих произведениях. Наибольший резонанс вызвал роман "Неполная рукопись". Здесь автор сумел преодолеть стереотипы и открыть новую страницу в развитии азербайджанской прозы. Лев Аннинский называет "Неполную рукопись" художественным экспериментом, где самое ценное - "непрерывное мерцание параллельных миров". Таких миров в романе несколько.

Использование мифов в художественном тексте - реальность прозы XX века, начиная с Джеймса Джойса, Гарсиа Маркеса, Уильяма Фолкнера и др.

Современный читатель достаточно избалован хорошей прозой и привлечь его внимание новым романом непросто. Автор "Неполной рукописи" смог оживить и активизировать многие дискурсы. И дело не только в том, что в романе путем деконструкции воспроизводится текст древнего азербайджанского эпоса "Китаби Деде Горгуд". Важно, как расставлены акценты, пронизывающие весь текст: драматизм судьбы индивида рождается из несовпадения исторически ритма с ритмом индивидуальной судьбы; искусство как средство одоления судьбы и преодоление рока; искусство как единственный способ сохранения и передачи истинных ценностей. Сами по себе это философские вызовы.

Текст романа построен на мистификации. Как отметил на презентации романа в редакции журнала "Иностранная литература" Александр Ткаченко, "когда художник, в частности Кямал Абдулла, обращается к рукописи, которая была написана несколько столетий назад, идет по времени вспять, он занимается воскрешением, мы получаем из ничего что-то. Он воскрешает события, про которые толком не известно, были они или не были, но теперь, получается, что они были. Отныне они существуют". И это справедливо, ибо новая реальность, созданная автором, более реальна для современного читателя, чем далекий текст эпоса.

Известный литературовед и критик Л.Лаврова, отмечая оригинальность архитектоники произведения, так характеризует этот роман: "Мастерски используя авантюрно-беллетристический потенциал древних эпических сказаний и легенд, разбавив культурный материал детективным началом, Кямал Абдулла создал собственную яркую картину, полную событий, юмора, неисчерпаемой глубины и трагизма жизни людей далекого прошлого. Но у него не только люди живут реальной жизнью, а и сотворенные ими символы, остающиеся неизменными в своей сути в течение веков. Все это выражено с помощью героя, загадка которого так до конца и не раскрыта в романе. Этот своеобразный посредник Вергилий своими комментариями и замечаниями по поводу загадочно выплывшего на свет старинного манускрипта сопровождает читателя на протяжении всей книги".

Жанр этого романа пытаются определить как палимпсест, исторический детектив или стилизацию азербайджанских мифов и легенд. Однако структура и содержание его перерастают известные нам жанровые определения прежде

живо. Этот элемент интеллектуальной игры характерен, можно сказать, для всех произведений автора, тематический диапазон которых (от египетского и греческого мифов до тюркского эпоса) делает его близким и понятным и европейскому читателю (а роман переведен на французский, немецкий, португальский, турецкий, польский и русский языки), и восточному.

В произведениях Кямала Абдуллы проблема хронотопа - область, которая должна быть предметом специального изучения. Здесь реальность, просвечивает сквозь гипотетические ситуации. Этот прием нужен автору не для эпатажа, а для того, чтобы заставить читателя в привычном изложении егерям: временем, иногда даже банально знакомом - раскрыть важный философский смысл. Все временные лакуны содержательны и связаны между собой, ибо в художественном пространстве Кямала Абдуллы самое важное - это целостность и единство мира, где символы начала и символы конца причудливым образом переплетаются. Писатель умеет сопрячь воедино содержание, лежащее в разных плоскостях. Он еще раз доказы-

телей, биться над ответами. Правильная постановка вопроса недоступна иногда даже для очень талантливых авторов. Кямал Абдулла, "провоцируя" читателя, заставляет его смеяться над собственной пассивностью. Как замечательно отметил доктор Андреа Бриньон, "процесс постановки вопросов есть корень интуиции, а интуиция в свою очередь есть основа видения". Кямал Абдулла не только поэт, прозаик, драматург и переводчик, но и ученый-лингвист, тонко чувствующий вибрацию слова. Именно это обстоятельство было отмечено Львом Аннинским по поводу романа: "Это - эпос, возрожденный ученым, который заботится не только о верности оригиналу <...>, а чтобы мы лучше поняли, что с нами происходит сейчас".

В отличие от произведений, пронизанных реминисценциями из мифа, роман "Неполная рукопись" деконструирует миф и хрестоматийное содержание известных исторические факты, связанные с именем Шаха Исмаиля Сефевии. При этом неизбежны лакуны, и не только временные. По мнению Инны Ростовцевой, "когда художник осуществляет пропуск какого-то звена, или, как в произведении Абдуллы, повествование обрывается и автор говорит, что конец утрачен, - это вызывает у читателя обостренное желание разгадать, что же было дальше, он чувствует какую-то тайну. По сюжету якобы ловят шпиона, потом забывают про него - на самом деле ловят не шпиона, а ловят тайну, которая заключена в каждом человеке. И еще одна особенность этого произведения: преступление и наказание, вся мистерия, которая происходит перед нами, совершается в рамках слова. Нам показано, как при помощи слова происходит движение от смысла, строятся ловушки, раскрываются тайны, идет дознание. И прежде всего - изумительно показана ответственность за слово. Слово непосредственно привязано к наказанию, причем не в будущем, а тотчас - к пыточной яме или того хуже".

Особая тема - язык романа "Неполная рукопись". У Кямала Абдуллы есть одно замечательное свойство - умение подчинять язык предмету изображения, воспроизведенной эпохе. Такого рода феномен мы наблюдаем у Уильяма Голдинга. В переводе это свойство несколько стирается.

Роман перешагнул границы художественного текста, став культурным феноменом. И в этом нельзя не согласиться с Клодом Алибером - профессором Института восточных языков и цивилизаций (Франция, Париж): "Великие эпосы и мифы мира, эти уникальные литературные формы всегда были фактором объединения наций. Объединяя людей, они становятся осью и меридианом не только одной культуры, но и наций в целом. Это еще более подтверждает мысль об идентичности. Запад не избежал этого с Илиадой и Одиссеей, Beowulfом, скандинавскими сагами, с Роландом, у тюркского киргизского мира есть свой "Манас", у азербайджанского - "Деде Горгуд".

"Неполная рукопись" не оставляет ощущения половинчатости, напротив, она постулирует незавершенность и бесконечность жизни. И, возможно, в этом заключается неослабевающий интерес к этому произведению.

ПОЭТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ РОМАНА КЯМАЛА АБДУЛЛЫ "НЕПОЛНАЯ РУКОПИСЬ"

всего потому, что в нем как в барочном произведении есть и детектив, и сакральный текст, и философская притча.

Безусловно, Кямал Абдулла и его проза выросли на сильных корнях восточной культуры на особом личностном восприятии мира, где макрокосм и микрокосм взаимодействуют, предопределяя течение и профанного, и сакрального времени. Кямал Абдулла - человек культуры в том контексте, который обычно соотносится с творчеством Ф.М.Достоевского, Жан-Поля Сартра.

Речь идет о высокой эрудиции автора, позволяющей ему чувствовать себя во всех жатрах комфортно, где интеллект его проявляется играючи, ненавяз-

вает, что существует некая единая духовность, где нет отдельной доминанты и важны не только каждая национальная культура, но даже творческая индивидуальность отдельного человека, чьи поиски смысла жизни идут в унисон с развитием целого.

Проза Кямала Абдуллы очень современна, ибо в мире, где нет утешения, писателю стимулирует усилие к творческому акту поисков ответа.

Чехов писал, что не надо искать у писателя ответов на все вопросы: писатель - не присяжный заседатель. В произведении важна, прежде всего, правильная постановка вопроса, которая, пробуждая мысль, заставляет нас, чита-